

Семен Бриллиант

**И. А. Крылов. Его жизнь и
литературная деятельность**

Жизнь замечательных людей

Семен Бриллиант

**И. А. Крылов. Его жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

1891

Бриллиант С. М.

И. А. Крылов. Его жизнь и литературная деятельность /
С. М. Бриллиант — «Public Domain», 1891 — (Жизнь
замечательных людей)

«Крылов не любил вспоминать о своей молодости и детстве. Мудрый старик признавал, что только в баснях своих переживает он самого себя, своих сверстников и внуков. Он, в самом деле, как бы родился в сорок лет. В периоде полной своей славы он уже пережил своих сверстников, и не от кого было узнавать подробностей его юного возраста. Крылов не интересовался тем, что о нем пишут и говорят, оставлял без внимания присылаемый ему для просмотра собственные его биографии – русские и французские. На одной из них он написал карандашом: «Прочел. Ни поправлять, ни выправлять, ни время, ни охоты нет». Неохотно отвечал он и на устные расспросы. А нас интересуют, конечно, малейшие подробности его жизни и детства. Последнее интересно еще тем более, что Крылов весь, как по рождению и воспитанию, так и по складу ума и характера, принадлежит прошлому веку. Двадцать пять лет уже истекает с того дня, как вся Россия праздновала столетний юбилей дня рождения славного баснописца. Он родился 2-го февраля 1768 года в Москве. Знаменитый впоследствии анекдотической ленью, Крылов начал свой жизненный путь среди странствий, трудов и опасностей. Он родился в то время, когда отец его, бедный армейский офицер, стоял со своим драгунским полком в Москве. Но поднялась пугачевщина, и Андрей Прохорович двинулся со своим полком на Урал. Ревностный воин, – отец Крылова с необыкновенной энергией отстаивал от Пугачева Яицкий городок...»

© Бриллиант С. М., 1891

© Public Domain, 1891

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Семен Бриллиант

И. А. Крылов. Его жизнь и литературная деятельность

Глава I

Детство и юность

Равнодушие Крылова к его биографам. – Крылов – представитель прошлого века. – Рождение его. – Отец. – Пугачевщина. – Наследственные черты характера. – Находчивость и хладнокровие. – Опасность в детстве. – Лагерная жизнь. – Тверь. – Служба отца. – Воспитание того времени. – Учение Крылова. – Смерть отца. – Мать. – Юноша-чиновник. – Дом Львова. – Развлечения. – Крепостной быт. – Век Екатерины. – Журналы. – 14-ти-летний автор «Кофейницы». – Переезд в столицу. – Отставка. – Казенная палата.

Крылов не любил вспоминать о своей молодости и детстве. Мудрый старик признавал, что только в баснях своих переживет он самого себя, своих сверстников и внуков. Он, в самом деле, как бы родился в сорок лет. В периоде полной своей славы он уже пережил своих сверстников, и не от кого было узнавать подробностей его юного возраста. Крылов не интересовался тем, что о нем пишут и говорят, оставлял без внимания присылаемый ему для просмотра собственные его биографии – русские и французские. На одной из них он написал карандашом: «Прочел. Ни поправлять, ни выправлять, ни время, ни охоты нет». Неохотно отвечал он и на устные расспросы. А нас интересуют, конечно, малейшие подробности его жизни и детства. Последнее интересно еще тем более, что Крылов весь, как по рождению и воспитанию, так и по складу ума и характера, принадлежит прошлому веку. Двадцать пять лет уже истекает с того дня, как вся Россия праздновала столетний юбилей дня рождения славного баснописца. Он родился 2-го февраля 1768 года в Москве. Знаменитый впоследствии анекдотической ленью, Крылов начал свой жизненный путь среди странствий, трудов и опасностей. Он родился в то время, когда отец его, бедный армейский офицер, стоял со своим драгунским полком в Москве. Но поднялась пугачевщина, и Андрей Прохорович двинулся со своим полком на Урал. Ревностный воин, – отец Крылова с необыкновенной энергией отстаивал от Пугачева Яицкий городок.

«К счастью», говорит Пушкин в своей «Истории Пугачевского бунта»: «в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный. Он в первую минуту беспорядка принял начальство над гарнизоном и сделал нужные распоряжения». Наш баснописец наследовал от отца эти качества и нередко проявлял в оригинальной форме как осторожность и благоразумие, так и находчивость или решительность.

Хладнокровие и решительность были, вероятно, причиной успехов его и в карточной игре, которой со страстью предавался он одно время. Теми же качествами, хотя и не в той оригинальной форме, обладал отец Крылова, а это в борьбе с таким врагом, как Пугачев, было гораздо важнее, чем безрассудная слепая отвага, в которой и у последнего не было недостатка. В самом деле, оборона капитана Крылова привела в такую ярость Пугачева, что он «скрежетал» зубами после неудачного приступа и грозил повесить не только Симонова и Крылова, но и все семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. «Таким образом», говорит Пушкин, «обречен был смерти и четырехлетний ребенок, впоследствии славный Крылов». Но Пушкин ошибался в возрасте Крылова: ему шел уже в то время седьмой год.

Ужасы того времени должны были оставить неизгладимый след в умном и наблюдательном ребенке. Во всяком случае походная жизнь, семейная обстановка бедного армейского офицера и тесное соприкосновение с военным бытом, с его тревогами, откровенными нравами и

сценами то трагического, то комического характера, имели несомненное влияние на образование характера Крылова. Быть может не покидавшая его во всю жизнь страсть к пожарам, благодаря которой ленивый и равнодушный Крылов подымался с постели и делался проворным и торопливым, была именно плодом впечатлений того периода детства. Но что еще важнее, впечатления этого времени имели влияние на его позднейшее отношение к народу, к его бурной силе и порывам.

Конечно, тревожное детство не было хорошей подготовкой к правильному образованию и воспитанию. Правда, вслед за окончанием бунта отец Крылова вышел в отставку и поселился в Твери, где получил место председателя губернского магистрата. Но условия жизни даже губернского города были не таковы, чтобы поправить дело. Ни постоянных пансионов, ни городских школ в то время еще не знали. Народные училища стали возникать только с 1786 года. Современник Крылова, известный поэт и баснописец Дмитриев, сын родового помещика, не жалевшего средств для его образования, обучался однако арифметике у гарнизонного солдата, сержанта Копцева, от которого слышал одни только «непонятные слова»: искомое, делимое и т. д.

Все же, наряду с «обязанностями чинов», Дмитриев в пансионе знакомился с историей и писал письма «по темам». Маленький Крылов лишен был даже такого скудного образования. Учителей русского языка тогда не было, как не было их и позже, даже в начале царствования Александра; взамен того учили французскому языку и мифологии. Не было учителей и для Закона Божия. Сельские священники, происходя из дьячков, знали только по навыку одну церковную службу, а о катехизисе не имели понятия. Между тем любознательность в обществе росла. Родители Крылова воспитаны были в то время, когда даже самое слово «воспитание» понимали совсем в ином смысле. «Могу сказать», говорила одна барыня, «мы у нашего батюшки хорошо воспитаны: «одного меду невпроед было». Правда, если не было еще воспитания и правильного учения, то был уже Ломоносов, пример которого действовал, возбуждительно на многих, а начало царствования Екатерины II создало обширную литературу, переводную и оригинальную. К счастью отец и мать Крылова понимали и ценили образование. Отец его оставил после себя целый сундук книг, что в то время было большой редкостью и роскошью, особенно при походной жизни бедного армейского офицера.

Председателем губернского магистрата в Твери отец Крылова был недолго, и через три года умер, оставив семью – нашего Крылова, одиннадцатилетнего отрока, с матерью и младшим братом Львом – без всяких средств. Пока отец был жив, он помогал матери в воспитании сына и учил его, чему мог, по крайней мере, русской грамоте. Теперь мать могла лишь давать наставления детям в правилах религии, насколько позволяло ей время, уходившее на хозяйство и хлопоты о пропитании семьи. Кроме того, юноша учился французскому языку у гувернера-француза в доме помещика Львова, вместе с его детьми. Благодаря почетному положению отца Крылова в городе, ему не трудно было подучить от Львова дозволение сыну приходить на уроки его детей. Это было в то время в общем обыкновении, но часто влияло дурно на характер детей, так как гувернеры не забывали указывать ученикам, на разницу их положения и воспитывали часто спесивость в одних, зависть и лесть в других. Может быть, поэтому Крылов учился неохотно. Мать лаской и разными средствами старалась, однако поощрять его. Крылов сам впоследствии, изменив раз своей обычной сдержанности и молчанию, простодушно ответил г-же Карлгоф на вопрос о том, отличался ли он чем-нибудь в детстве: «я, матушка, был дитя, как и все: играл, резвился, учился не отлично, иногда меня и секали». Но так ли это? Не отличаясь ничем от сверстников, при обстановке – мало удобной для образования и развитая, едва ли мог явиться 14-летний юноша уже автором литературного произведения слабого, но не лишённого интереса и таланта.

* * *

Девяти лет Крылов записан был – конечно, только формально – подканцеляристом в Калязинском магистрате.

Со смертью отца перечислили его с тем же чином в Тверской магистрат на действительную службу.

Одиннадцати лет становится он опорой семьи. Положение безотрадное, но Крылову, можно сказать, было счастье. Заключалось оно в том, что родители его были честные люди. Протянуть всю жизнь военную лямку, потом занять место председателя магистрата и хотя бы в три года службы ничего не оставить семье, для человека способного, каким был отец Крылова, значило в то время быть честным человеком.

В прошении о пенсии па имя государыни вдова писала, что муж оставил ее в нищете, так как, «не имея вотчин», содержал семью одним жалованием. Но вдовьи слезы не дошли до императрицы. Да и наивна была ее просьба. Жалованье в то время гражданским чином давалось ничтожное, взамен того им предоставлялось «кормиться». «Кормление» заключалось в «благодарности» и взятках. С этим явлением мирилась сама Екатерина, и строгие указы против взяток не тревожили сна Частобраловых и Кривосудовых.

Взамен денег отец Крылова оставил сыну неслыханное в то время при его состоянии наследство – сундук с книгами. Тут были, конечно, и «Свет зримый в лицах», и «Древняя Вивлиофика» Новикова, и его же «Деяния Петра Великого» «с дополнениями» – настольный книги того века и начала нынешнего, а рядом с этим, несомненно, были Жиль-Блаз, Шехеразада, Телемак и быть может Дон-Кихот. Вместе с книгами наследовал Крылов от отца и охоту к чтению. Причиной того, что Крылов неохотно учился, были, конечно, и случайность, отрывочность его скудного учения, и недостаток наглядности, которой требовал его живой, наблюдательный ум. Но охота, можно сказать даже страсть к чтению осталась у него на всю жизнь. Впоследствии, уже славный баснописец, Крылов во время дежурства на службе в Публичной Библиотеке не скучал, подобно своим сослуживцам. В то время как Гнедич во время дежурства нервно ходил по двору и приходившим знакомым молча указывал лишь пальцем на орденский крест на груди, поясняя этим свое нервное состояние, Крылов, взобравшись с ногами на диван, запоем читал глупейшие романы. Подобные романы читал тогда Крылов конечно не из интереса к их содержанию, и часто только при развязке восклицал: «Ахти, да кажется я эту книгу уж читал», и действительно случалось, что читал он ее лишь за несколько дней до того. Конечно, это машинальное чтение необходимо было для того, чтобы удалить на время те образы, что наполняли наблюдательный ум баснописца. «Надобно дать отдых уму», говаривал он сам. Как бы то ни было, этою страстью к чтению отличался он уже в отрочестве. Наряду с этим работал по-своему и его наблюдательный ум, рано обнаруживая в нем врожденную склонность к карикатуре и сатире. В образованном доме Львова он не мог не познакомиться тогда уже с Лафонтеном и французской сатирой и карикатурой, хотя конечно очень поверхностно, а сатирические журналы Екатерининского века изощрили его наблюдательность и направили ее на современные типы. В этих журналах, раз попали они в его руки, он немедленно должен был узнать черты окружающего быта – так обыденны были типы журнальной сатиры. В то время было принято писать лица с натуры, «с подлинников», как это называли; этим приемом восполнялся недостаток художественного таланта и достигалась обличительная цель. Лица были замаскированы, но так, что их не трудно было узнать. В Твери, как в губернском городе, проживали временно неслужащие дворяне, здесь спускали они оброки на неприхотливые развлечения и модные наряды. Крепостной быт со всем его произволом, диким невежеством, грубыми нравами и суеверием ярко блистал и в городе. По простаковски разделялись дворяне со своими челядинцами. В магистрате устраивались кляузные дела и вымогательства. Крылов,

как доказывает его опера «Кофейница»; рано стал относиться к жизни более или менее сознательно. Ему помогали в этом раннее физическое и умственное развитие и сама судьба, поставившая его еще мальчиком в положение кормильца семьи.

Маленький чиновник знал многое, чего другому и не снится еще в его возрасте. Он любил, кроме того, толкаться среди простого народа. Его привлекали зрелища – пожары, кулачные бои; любил он также по целым часам просиживать где-нибудь у портмоена, слушая рассказы простых и крепостных людей. Здесь вероятно почерпнул он из какого-нибудь рассказа и сюжет своей «Кофейницы».

Быть может более, чем думал он сам, был прав тот тверской обыватель, который говорил: «Знаменитый баснописец принадлежит особенно нашей Твери». Здесь он воспитался и провел первые годы юности своей, здесь он начал свое гражданское служение». Прав, если смотреть на Тверь, как на миниатюру России прошлого века. Но особенно радоваться тверскому обывателю здесь нечему. Характер Крылова и многое в его произведениях и во взглядах говорит о потере этого именно возраста для правильного его образования и развития. В тогдашней Твери было много такого, чего Крылову, может быть, не привелось видеть потом, в зрелом возрасте и что воплотилось в его баснях в образах не совсем чистых животных; в этом смысле тоже прав товарищ его детства.

Сатира века Екатерины осмеивала в особенности нелепые подражания иностранцам: моды, манеры и употребление некстати иностранных слов – все, что совершенно не ладило со строем русского, да еще крепостного быта и в чем многие думали видеть плоды просвещения. Крылову, с его чисто русским умом, насмешливым и метким в остроумной карикатуре, эта война пришлась особенно по душе; впоследствии он даже дошел до чрезмерной крайности в неприязни ко всему иноземному, что красной нитью проходит через все его произведения. Юноша попробовал силы в комедии, подражая в этом отношении самой императрице. Плодом такой пробы пера и явилась комическая опера «Кофейница». Здесь Крылов наметил в карикатуре то, к чему потом вернулся в журнальной сатире и, наконец, в басне, изобразив «ворону в павлиньих перьях». В духе сатиры того времени юноша назвал свою героиню «Новомодова», уже обличая этим наиболее комичную сторону ее характера. Вот образец ее рассуждений:

Кофейница. (Гадает, глядя на гуцу). «Как ваше имя, сударыня?»

Новомодова. «Да разве ты не можешь угадать это на кофе? Да на что ж тебе его и знать? Не по имени ли и по отчеству хочешь ты меня звать?»

Кофейница. «Конечно, сударыня».

Новомодова. «О мадам! Пожалуйста, не делайте этого дурачества, для того что это пахнет русским обычаем и ужасно как не хорошо. Я никогда во Франции не слыхала, чтоб там друг дружку авали по имени и отчеству, а всегда зовут мамзель или мадам, а это только наши русские дураки делают, и это безмерно как дурно».

Поклонница Франции и французского языка, она, однако в совершенстве спрягает глагол «драть» и склоняет «палки».

Опера слаба, но она не слабее опер того времени, принадлежавших более опытным писателям; по крайней мере в ней нет балласта, есть юмор и местами недурные стихи, хотя есть и такие, как «драться я не умею» и т. д. При всех ее недостатках, в ней чувствуется та «свежесть создания, которая всегда отличает ранние, с любовью отделанные произведения пробуждающихся сильных дарований» (Майков).

В то время как юный чиновник и сатирик пробовал свои еще не окрепшие *львиные когти*, мать его решила отправить с семьей в Петербург и там искать протекции для сына по службе или хлопотать о пенсии. В самый год появления «Недоросля», в 1782 году, Крылов с

матерью и братом очутились в этой новой столице, в том городе, который уже тогда современники называли «прекрасным».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.